

Г.Л. Тульчинский

УДК 17; 378

**От этики профессии к миссии и проблематизации университета
(заметки о возможности университетов
транслировать профессиональную этику)**

Аннотация. Университеты испытывают в наши дни мощный вызов, который связан с рядом объективных процессов развития современной цивилизации, прежде всего – цифровизации. Эти процессы ставят под вопрос возможности трансляции профессиональной этики. Более того, университетский этос становится неопределенным.

Ключевые слова: труд, университет, профессии, цифровизация, этика.

Возможности университетов транслировать этику профессии в наше время радикально сократились. И связано это с рядом объективных обстоятельств общецивилизационного характера.

Прежде всего, как уже неоднократно отмечалось, в том числе, и на страницах журнала «Ведомости прикладной этики», в нынешней ситуации пластичности профессий университету все больше приходится учить учиться. И в этом случае на первый план выходит не столько этика профессии, сколько этика обучения, т.е. нравственная культура самого университета.

Однако, во-вторых, сам университет испытывает вызовы – не столько содержанию и качеству образования, сколько уже своему существованию. Так, широкое распространение получили и продолжают получать электронные курсы на платформе Coursera и других ресурсах. Эти курсы предлагаются как другими университетами, так и коммерческими бизнес-центрами коучинга, тренинга и т.п. В любом уважающем себя университете всячески стимулируется разработка и запись таких электронных курсов, которые предлагаются отечественному и мировому образовательному рынку, что приводит к перенасыщению этого рынка – во-первых. А во-вторых, – к неизбежной дилемме студента-потребителя: то ли выбрать курс высокого качества (а это дорого), то ли выбрать курс, доступный по цене. В первом случае возникает перспектива вымывания контрафакта и монополизация. Во втором – тренд к девальвации образования (к чему мы еще вернемся).

Но в любом случае не за горами встанет вопрос: а вправе ли университет давать диплом, перезачтя курсы других университетов, прохождение которых удостоверяют сертификаты, полученные сту-

дентом? Да и реального работодателя интересует не столько диплом, сколько приобретенные студентом навыки.

В перспективе складывается ситуация горизонтальной сети компетенций, которые может приобретать студент. Наверное, останутся такие университеты, дипломы которых будут высоко котироваться на рынке труда, и за выпускников которых будут конкурировать работодатели. Но ясно с очевидностью, что такие университеты составят эксклюзивный пул. Подавляющее большинство университетов будет выступать только площадками реализации образовательных проектов и программ, разработанных другими. В лучшем случае – в качестве особой конфигурации из этих проектов и программ.

Получается, что университет может только воспроизводить собственный этос (профессорский и студенческий, а они – разные), и давать прививки научного этоса – через магистратуру и аспирантуру (но это во многом и есть профессорско-кафедральный этос).

Однако главное – даже не отмеченные выше тренды, а общий тренд цифровизации, которая меняет не только отдельные технологии, но и весь уклад жизни, включая структуру занятости. Так, австрийская сталелитейная компания Voestalpine AG недавно инвестировала €100 млн. в новый завод по выпуску стальной проволоки с объемом производства в 500 тыс. тонн в год. Это производство будут обеспечивать 14 работников, тогда как на прежнем производстве той же компании с таким же объемом выпуска, построенном в 1960-е, было занято около 1000 рабочих. Некоторые компании (Phillips, Fa-nuc) уже оперируют производствами с нулевой рабочей силой. Общий тренд очевиден: на некоторых предприятиях, а потом, возможно, и в целых отраслях доля трудовых доходов будет снижаться еще более стремительно, чем она снижалась два последних десятилетия. Речь идет не только о промышленных рабочих (у которых нет не только будущего – у них уже во многом нет и настоящего), но и об инженерно-технических работниках, о «креативном классе».

Еще недавно обсуждался «парадокс М. Поланьи», согласно которому масса человеческой деятельности плохо описывается с помощью алгоритмов (визуальное и слуховое распознавание, телесные навыки вроде езды на велосипеде, машине, умение сделать прическу и т. п.). Такие виды деятельности требуют «простых» для человека навыков, которые сложны для традиционного искусственного интеллекта XX века. Точнее были сложны. Действительно, восемь из самых быстрорастущих последние несколько лет профессий в США это низкооплачиваемый, плохо алгоритмизируемый «ручной» труд (сиделки, няни, официанты, повара, уборщики, водители-дальнобойщики и т.п.). Но сейчас роботизация на основе машинного обучения

справляется с неразрешимыми ранее задачами, основа которых – визуальное и слуховое распознавание, сложная моторика. Поэтому падение доли труда, судя по всему, продолжится и в этих сферах.

Но цифровая экономика мало помогает и «креативному» классу. Владелец Alibaba Джек Ма на форуме «Открытые инновации» в Сколково заметил, что люди уже проигрывают искусственному интеллекту не только в скорости, но и в объеме операций. Нейросети уже могут в указанном стиле и картину написать, и музыку сочинить. А некоторые «свободные» и «креативные» профессии – журналисты, нотариусы, юристы, программисты уже отчетливо чувствуют «дыхание в затылок». Человечество, пережившее перекачку занятости из первичной (по А.Тоффлеру [2, 3]) сферы (собираательства, сельского хозяйства, добычи ископаемых) во вторичную (обработка), а оттуда в третичную (сервисную), в настоящее время все более выдавливается в четвертичную сферу деятельности: благотворительность, социальная помощь, организация досуга, спорт. Автоматизация и роботизация возможны и тут, но эти виды деятельности жестче привязаны человеческому существованию, особенно – его телесным практикам.

Та же Alibaba, как и Uber убедительно демонстрируют механизм вымывания конкурентов и занятых в ситуации цифровой монополии. И это еще один показатель того, что в перспективе не просто традиционная занятость, а в целом доходы от труда, заработной платы специалиста, будут стремиться к нулю. Тогда как доходы от капитала, собственности будут приближаться к 100% [1]. А это означает вымывание среднего класса, расслоение и рост неравенства, что подтверждается уже в наше время.

Какова роль образования в этой ситуации? Чему можно и нужно учить? Американский Pew Research Center в мае этого года опубликовал доклад «The Future of Jobs and Jobs Training» по итогам опроса 1408 профессионалов в сфере ИТ, экономистов, инновационных бизнесов [5]. Итоги довольно однозначны: ценность образования и отдача от человеческого труда – это взаимосвязанные процессы. Поэтому ценность образования будет девальвироваться точно так же, как и ценность человеческого труда. Если человек будет уступать во всем искусственному интеллекту, то и его образование перестанет представлять особую ценность [4].

В упомянутом докладе отмечается, что, согласно худшему сценарию, уже в нынешнем столетии ожидается глобальная безработица в 50% трудоспособного населения Земли. И тут не поможет система непрерывного обучения – это уже будет задачей масштабного соцобеспечения типа универсального безусловного дохода. И только после этого ставится следующий вопрос: чем занять досуг этой мас-

сы людей? Вопрос не в том, чтобы подготовить людей к работе, которой не будет, а в том, чтобы распределить богатство в мире, в котором работа станет ненужной, и занять свободное время. Если доход от труда будет исчезать, вытесняемый доходом от капитала, в конечном счете – от владения роботами и искусственным интеллектом, то главная проблема – судьба тех, у кого не будет капитала. И тогда все будет зависеть от этики владельцев капитала, у которых он окажется в избытке. То ли нас ожидает вариация на тему «научного коммунизма» – при гиперразвитых производительных силах супернеравенство само себя нивелирует. То ли налоговое перераспределение доходов обеспечит всеобщий безусловный доход. То ли сегрегация и социальные гетто, представленные в новомодных киноантиутопиях.

А это уже другая прикладная этика, и другой масштаб ее тем и проблем.

Список литературы

1. *Зотин А.* Рабовладельческий строй. // <https://www.kommersant.ru/doc/3455179> (дата посещения 08.12.2017).
2. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2008.
4. *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
5. The Future of Jobs and Jobs Training // <http://www.pewinternet.org/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training/> (дата посещения 08.12.2017).